

«Авторская песня фактически перестала существовать. Она оторвалась от литературы, от московских кухонь и таежных костров и ушла на эстраду».

«Работаю стариком Державиным»

Александр Городницкий – обо всем, кроме старости

Сначала – литературный кружок при Дворце пионеров, потом Горный институт в Ленинграде. Семнадцать лет на Крайнем Севере в геологической разведке, тридцать лет в океанских экспедициях. К романтическим песням жизнь добавила подходящую биографию, придав и без того красивому сюжету окончательную достоверность. 20 марта, в день рождения, Александр Городницкий будет выступать не на сцене, а на ученом совете Института океанологии РАН, где он уже 18 лет заведует лабораторией геомагнитных исследований. И выступать будет не с «Песней полярных летчиков», а с докладом на тему «Магнитное поле океана на рубеже XX – XXI столетий». Он автор 19 поэтических сборников и 9 научных монографий. Но вместе поэт и ученый работали, пожалуй, единственный раз в жизни – когда двадцать лет назад океанолог Городницкий в первый раз отправился в экспедицию на поиски Атлантиды...

Его друг Игорь Губерман, кроме того, не устает напоминать, что «академик Городницкий – еще первый в мире еврей, который спустился в море на глубину 5 километров». Александр Моисеевич не отрицает:

– Действительно, первый. Когда Губерман мне об этом сказал, я učinил специальную проверку – в 1978 году это было несложно, потому что к тому времени на такую глубину спускались немногие. Евреев среди них не было.

– Помните, на каком-то концерте вас спросили, имея в виду вашу дружбу с Губерманом: «Что может быть общего у вас, такого возвышенного и романтического, с этим грубым сексуально озабоченным пошляком»? Ответите на вопрос?

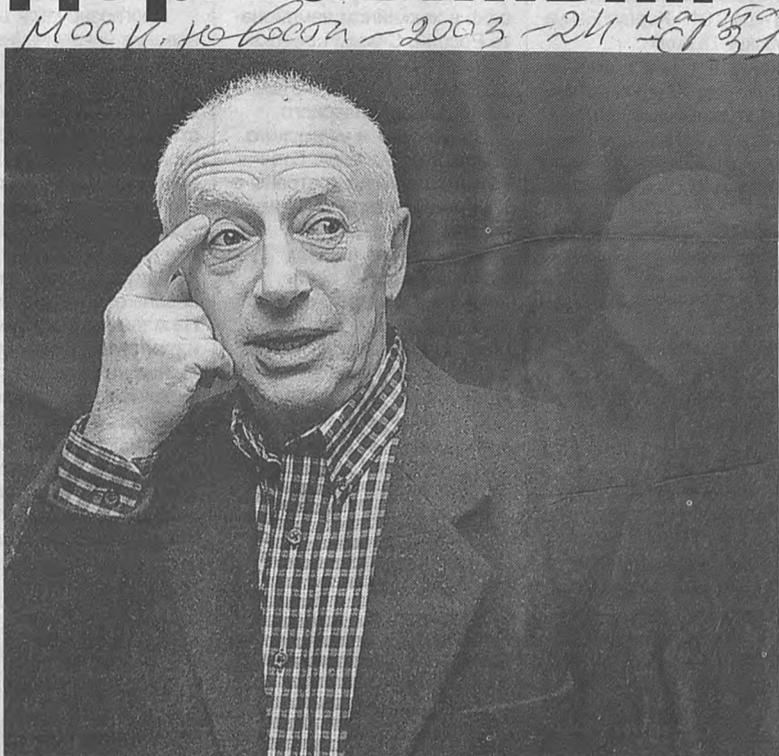
– Как что общее? Общие друзья и враги, прежде всего. Следовательно, общие ценности и понятия о том, что такое хорошо и что такое плохо. Что такое порядочный человек и что такое непорядочный. Это главное, что нас сближает. А кроме того, сейчас, оборачиваясь назад, я думаю о том, что родина человека – это не только место, где он родился, и язык, на котором он думает. Родина – это еще и та эпоха, которая ему отведена была для жизни. Моя родина там – в 50 – 60-х годах. Так что мы с Губерманом еще и современники, а это тоже очень важно. А сейчас я чувствую себя живущим в другой стране.

– Что для вас изменилось необратимо?

– Мне очень грустно наблюдать за тем, как исчезает песенная культура. У меня даже были такие строчки: «Когда в стране не слышно песен, мне страшно делается в ней...» Пару лет назад я был членом жюри фестиваля «Окно в Европу» и обратил внимание на то, что в фильмах совершенно нет песен. А если и есть, то такие, что петь их не хочется. В песнях, которые звучали с экранов советского кино, была удивительная задушевность, очень верно найденная интонация: «Темная ночь», «Журавли»... Поэтому эти песни пела вся страна. А сейчас в компаниях поют меньше, а больше разговаривают о политике. И что хуже всего – появилось огромное количество кабацких певцов, которые вместе с радио «Шансон» и ему подобными внедряют в сознание молодежи псевдоблатные песни с романтизацией уголовщины. Это очень опасно, потому что подготавливает молодых людей к тому, что мы живем по закону зоны. Если так пойдет дальше, то с этим поколением можно будет делать что угодно.

– Почему авторская песня перестала быть конкурентом кабацкой?

– Потому что она сама очень сильно изменилась. Попса, к сожалению, проникает повсюду. Грушинский фестиваль из негромкого мероприятия

Екатерина Штукина

Александр Городницкий: «Вопросительных знаков все больше»

для своих превратился в огромное эстрадное шоу для 200 тысяч зрителей, сидящих на Горе, и настроение стало совершенно другим. И не организаторы виноваты, а просто Грушинка, как зеркало, отражает потребности людей. Авторская песня, которую Окуджава определил как «поэт с гитарой в руках», фактически перестала существовать. Она оторвалась от литературы, от московских кухонь и таежных костров и ушла на эстраду – и боюсь, что безвозвратно.

– Вы чувствуете себя последним хранителем традиций?

– Да, могиканином я себя иногда ощущаю, потому что последние несколько лет мне приходится работать таким стариком Державиным: я участвую в жюри различных фестивалей, веду творческие мастерские и вообще довольно много общаюсь с молодежью. А совсем недавно еще думал: Боже мой, 70 лет – какой ужас! А вот дожил. Это с одной стороны. А с другой стороны, в нашей стране дожить до 70 лет – это тоже не так просто, и я благодарен Богу за то, что мне это удалось.

– Вы себя считаете москвичом, питерцем или ленинградцем?

– Не москвичом – это точно, хоть я и прожил здесь тридцать лет. Скорее ленинградцем, конечно. Я родился в 1933 году, и первые слова, которые я услышал в жизни помимо «мамы» и «папы», было слово «Ленинград», и состав этого слова меня тогда совершенно не волновал. А про дедушку Ленина и все его героиства я узнал значительно позднее.

– Что для вас все-таки важнее – поэзия или наука?

– Так получилось, что у меня одно без другого в жизни не обходилось. Если б я не попал на Крайний Север как геолог, то никогда не начал бы писать. Если бы не плавал в океане, то не появилось бы многих стихов. С другой стороны, жизнь коротка, времени и сил мало, и человек должен успеть реализоваться в том главном, в чем он неповторим. И мне представляется – я это не так давно осознал, – что все-таки это не наука, а искусство. Если бы не было Эйнштейна, то кто-то открыл бы теорию относительности. Не было бы Ньютона – кто-то открыл бы закон тяготения. Наука движется поступательно, она устроена объективно и очень быстро устаревает. А все, что касается творчества, ничуть не стареет: ни рафаэлевская живопись, ни пушкинские строчки, ни музыка Баха.

– Вы всегда жили с этим ощущением, что жизнь коротка и надо все успеть?

– Нет, напротив! Мне всегда казалось, что времени немерено. И вдруг год или два назад я начал осознавать, что его очень мало. Для меня наступила такая пора, когда ничего нельзя отложить на завтра, потому что этого завтра может не быть. У меня еще в молодости было такое стихотворение – не бог весть какая поэзия, но мысль правильная: «Вслед за временем приобретений начинается время потерь». У меня началось время потерь. Вот я только что вернулся из Тюмени, где не был 15 лет, думаю – у меня же тут одноклассница живет. А мне говорят: три года назад умерла. Я посмотрел альбом со своего 60-летия в Петербурге: никого не осталось. За 10 лет исчезло целое поколение. Хотя я бы не сказал, что чувствую возраст. Особенно, пока здоров. Не думаю, что стал умнее или мудрее, как это полагается, и разного рода страсти меня по-прежнему раздирают.

– Например?

– Например, желание странствовать. И многое другое. Возможностей меньше, а желаний – ничуть. Просто с возрастом начинаешь задумываться о многих вещах, о которых раньше не думал. Сейчас я прошу своих студентов на лекции рассказать мне про устройство магнитного поля Земли, все отличники тут же поднимают руку и начинают пересказывать мне учебник. Я говорю: нет, эта теория противоречит таким-то данным. Мне приводят другую модель. Я говорю – и она неверна. Меня спрашивают: профессор, так как же устроено магнитное поле Земли? А я им говорю: не знаю. Раньше знал, теперь не знаю.

– Тот случай, когда в 20 лет жизнь куда более понятна, чем в 70?

– Абсолютно. Вопросительных знаков кругом все больше. Единственное, чему я рад – что времени мне всегда не хватало, я никогда не понимал скукающих людей. И сейчас не хватает. Самое главное желание – спеть все-таки еще что-то новое и стишки какие-нибудь написать...

– А Атлантида?

– Если не успею я, то другие ее обязательно найдут.

Пусть поверят историям этим.

Атлантида... Ведь дело не в ней.

Разве сказки нужны только детям?

Сказки взрослым гораздо нужней.

Беседовала
Анна РУДНИЦКАЯ